

Леонид Столович

РЭМ БЛЮМ КАК «ШЕСТИДЕСЯТНИК»

Статья печаталась в сборнике «Рэм Блюм. Избранные статьи. В воспоминаниях», 2005 и в журнале «Таллинн», 2000 N19-20

Рэм Наумович Блюм учился на философском факультете Ленинградского университета на два курса старше, чем я. Но случилось так, что на факультете мы нигде «не пересекались». Я, конечно, знал о том, что есть такой сгусток энергии, именуемый Рэм Блюм, но лично знакомы мы не были. Когда же я волею судеб оказался в начале 1953 г. в Тарту, мы не могли не познакомиться как вскормленные одной *Alma mater*. Знакомство почти сразу же переросло в дружбу, которая продолжалась 35 лет, до его кончины. Я даже слышал вопросы, не братья ли Рэм Наумович и Леонид Наумович? Братьями мы были по службе: он, помимо истории философии, преподавал исторический материализм, а я, помимо эстетики, диалектический. Так что меня звали студенты *Диаматом Наумовичем*, а его – *Истматом Наумовичем*.

Казалось бы упоминание исторического материализма может скомпрометировать в наши дни читавшего его лектора. Еще у Ильфа и Петрова летоисчисление определялось иронически «историческим материализмом»: до революции означало – «до исторического материализма». Теперь же наступила эпоха «после исторического материализма». Но как раз то, что делал Рэм Блюм, опровергает складывающиеся ныне стереотипы. Дело не в том, *что* читал лектор, а в том, *как* он излагал свой предмет. В учебном плане, едином для всех вузов СССР, не было дисциплины под названием «социальная философия», но именно ее и преподавал Рэм Наумович в рамках так называемого «исторического материализма». И студенты это хорошо понимали, как и начальство, местное и республиканское.

Меня влекла к нему его необычайная отзывчивость. Я знаю, что много людей тянулись к нему, получая поддержку в трудных обстоятельствах своей жизни, притом не только общественной, но и личной. Я не встречал такого другого человека, который

бы так мог жить интересами других людей, как мой друг. За все время нашего знакомства я не мог обнаружить в нем даже подобия такого чувства, как зависть к каким-либо успехам кого бы то ни было. Он говорил, что одним из его жизненных девизов был афоризм: «От достоинств ближнего нет другого спасения, кроме любви».

Думаю, что человеческие качества Рэма Блюма прежде всего определяли его место в жизни многих людей, с которыми он общался. А круг его общений был очень большой. Он преподавал социальную философию и историю философской мысли студентам разных факультетов Тартуского университета с 50-х до 80-х годов. Не довольствуясь учебным временем, он два десятка лет руководил «философским кружком», в котором математики и физики, филологи и медики учились мыслить социально, определять «что такое хорошо» и «что такое плохо» на самом деле, а не по предписанию сверху. Неслучайно, что начальство не жаловало ни педагогическую, ни общественную деятельность Блюма. Он не был удостоен ни одной правительственной наградой, что по нынешним критериям расценивается как высшая награда. ЦК компартии Эстонии и университетское начальство считало его смутьяном. И не без основания.

В еженедельнике литературы и искусства «Sirp ja vasar» против молодых писателей – Арво Валтона, Мати Уньта и других выступил явно по заданию блюстителей идеологии Эдуард Пялль, известный в науке главным образом по самоучителю эстонского языка, но за советско-партийные заслуги ставший заслуженным деятелем науки и академиком-секретарем Отделения общественных наук Академии Наук Эстонской ССР. Э. Пялль обвинил эстонских литераторов в том, что они следовали порочной, с его точки зрения, концепции «отчуждения», взятой на вооружение идейно-разлагающейся западной культурой.

И вот Рэм Блюм в этом же еженедельнике 31 января 1969 г. выступил против статьи Пялля, показав философскую безграмотность ее автора. В этом своем полемическом выступлении «Mis see võõrandumine siis on?» («Что же такое отчуждение?») и в других работах по проблеме «отчуждения», опубликованных на русском и эстонском языках (журнал «Looming», 1969, nr. 3), Рэм Наумович один из первых в советской философии творчески осветил проблему «отчуждения». «Отчуждение» – это такое парадоксальное явление общественной жизни, когда продукты человеческой деятельности (не только творения человеческих рук, но и создаваемые людьми учреждения, в том числе и особенно государство) и она сама становятся *чуждыми* человеку. Феномен «отчуждения» в различных его проявлениях трактовался и Гегелем, и Фейербахом, и Марксом, особенно в его «Экономическо-философских рукописях 1844 года», впервые опубликованных на русском языке в незабываемом 1956-ом. Рэм Блюм открыто заявлял, что явление «отчуждения» характеризует не только состояние капиталистического общества, но и того общественного строя, который официально именовался «реальным социализмом» и даже «развитым социализмом». Примерно в это же время в Институте философии состоялось обсуждение вопроса: «Существует ли при социализме отчуждение?» Высказывались различные мнения. Одна дама, совмещавшая свою работу в Институте философии со службой в КГБ заявила: «Кто признает отчуждение при социализме, тот льет воду на мельницу американского империализма!». В ответ на это выдающийся философ *Эвальд Ильенков* заметил: «А кто отрицает отчуждение при социализме, тот просто льет воду».

Поэтому, точки зрения Р. Блюма, искусство и литературу следует не осуждать за внимание к «отчуждению», а нужно рассматривать их как правдивое свидетельство существования «отчуждения», устранение которого – задача действительно прогрессивного социального развития.

Выступление Р. Блюма по проблеме «отчуждения» вызвало большой резонанс. Но он был двояким. С одной стороны, творчески думающая эстонская общественность встретила его статьи с воодушевлением. С другой же стороны, они вызвали резкое недовольство партийного начальства. Как отмечалось выше, секретарь ЦК КПЭ по идеологии Л. Ленцман зачитал университетским работникам специальное постановление ЦК (в открытой печати оно не публиковалось), в котором работы Р. Блюма об «отчуждении» квалифицировались как идеологически вредные, наряду с трудами Юрия Михайловича Лотмана по семиотике, социологическими исследованиями Юло Вооглайда, общественной деятельностью Виктора Пальма и защитой спектакля театра Ванемуйне «Игра Золушки» автора этих строк.

Удивительное дело! Несмотря на искренние марксистские убеждения Р. Блюма, и республиканское начальство, и всесоюзные блюстители идеологической «чистоты» относились к нему с нескрываемым подозрением. Казалось бы, тема его кандидатской диссертации о революционных преобразованиях в Венгрии, успешно защищенной в 1961 г., не могла вызвать сомнения в ее теоретико-идеологической направленности. Ан нет! Рецензент ВАК'а усмотрел в ней ревизионизм. В его отзыве Р. Блюм обвинялся в том, что он свою диссертацию написал, исходя из концепции Лукача. Георг (Дьердь) Лукач – выдающийся философ-марксист в эти годы клеймился в качестве ревизиониста, поскольку во время венгерского восстания в 1956 г. он вошел в качестве министра культуры в «контрреволюционное» правительство Имре Надя. Рэм Наумович очень ценил труды и деятельность Лукача, но в своей диссертации, понимая специфику этого жанра, он лишь констатировал участие Лукача в венгерской истории, отнюдь не следуя его концепции. Но ваковский рецензент проявил небывалую классовую бдительность и расистское чутье, установив, что настоящей фамилией Лукача, оказывается, была фамилия *Блюм*. Во время ВАК'овской атаки на свою диссертацию Рэм Наумович писал мне из Москвы об этом злополучном на нее отзыве: «Основное обвинение – диссертация написана с позиций концепции Лукача (Блюма). Доказательства? По-видимому, Блюм не может писать против Блюма. Все блюмы одним миром мазаны, все они, так их растак, ревизионисты. Кому они вообще нужны доказательства? Есть обвинение, а доказывает пусть обвиняемый».

Несмотря на вздорность таких обвинений, секретарь экспертной комиссии ВАК'а журил Рэма Наумовича: «Как же Вы – коммунист потеряли политическое чутье?» На Пленуме ВАК'а диссертация Р. Блюма ожидала печальная судьба. Только поддержка академика Б.М. Кедрова спасла ее от отклонения. Докторская диссертация Р. Блюма «Проблема революции в общественной мысли второй половины XIX века» могла быть защищена в 1975 г. лишь «далеко от Москвы» – в Тбилиси.

Философский кружок, «сработанный еще руками Рэма» (как говорилось в одном шутовском тексте, посвященном этому кружку), работал «под колпаком» и в конце концов был прихлопнут. В доносах, начиная с 50-х годов и кончая серединой 80-х, Рэм Блюм фигурировал как нечто среднее между сионистом и эстонским буржуазным националистом.

В чем же дело? Почему убежденный марксист и коммунист, каковым Рэм Блюм считал себя до самой смерти, «пришелся не ко двору» в государстве, провозгласившим своей целью строительство коммунизма и клявшееся в верности марксистско-ленинскому учению? Рэм Наумович узнавал себя в такой интерпретации гашековского Швейка: человек искренно ищет свою дивизию, а его считают дезертиром!

Было бы упрощением утверждать, что воззрения Р. Блюма не менялись со временем, как и каждого из нас. Но их изменение благодаря природе его человеческой личности шло в сторону их гуманизации. Ведь и сам марксизм, который он искренне исповедовал, имел две противоречивые тенденции: *гуманистическую* и

тоталитарную. Гуманистическая тенденция ярко проявилась у молодого Маркса, который ставил знак равенства между коммунизмом и гуманизмом. Она была в значительной мере присуща и первому русскому марксисту Г.В. Плеханову, которого Рэм Наумович необычайно ценил, несмотря (а лучше сказать: вопреки) его замалчиванию и искажению в сталинской версии марксизма. *Тоталитарная* тенденция марксизма проявлялась в прямом отрицании гуманизма и демократии идеей диктатуры. Демократия удушалась в объятиях «демократического централизма», как гуманизм – эпитетом «социалистический». Словосочетание «социалистический гуманизм» определялось знаменитой формулой: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Наиболее полным воплощением тоталитарного марксизма был сталинизм и его проявление в идеологии и практике советского государственного «социализма», в идеологии и практике, которые Рэм Блюм не считал ни действительно марксистскими, ни подлинно социалистическими. В этих своих взглядах он не был одинок. Если в конце XIX – начале XX века в России существовал так называемый «легальный марксизм», то в эпоху «реального социализма» возник, так сказать, «нелегальный марксизм», известным сторонником которого был *Рой Александрович Медведев* – автор знаменитой книги «Перед судом истории», разоблачающей сталинизм. Рой Медведев учился тоже на философском факультете Ленинградского университета на курс позже Рэма Блюма и на курс старше, чем я. Мы дружили с Роем Медведевым. Встречались с ним, когда он находился на полулегальном положении как диссидент. И на смерть Рэма Наумовича Рой Александрович отозвался скорбным письмом...

При всех иллюзиях и заблуждениях, свойственных Рэму Наумовичу, как и его единомышленникам, в том числе и пишущему эти строки, он был действительным гуманистом и демократом по отношению к каждому человеку и к любой национальной общности людей.

Слово «интернационалист» в начале перестройки было скомпрометировано так называемыми «интерами». На самом же деле, «интеры», провозглашавшие себя интернационалистами, были шовинистами и отстояли далеко от идеи равноправия и равноценности всех народов, как и открытые националисты. «Теория» и практика интеровского движения достаточно точно соответствовала анекдотической трактовке интернационализма: «Интернационализм – это когда все народы мира сплываются для того, чтобы совместно бить эстонцев (или евреев, или армян, или молдаван и т. п.). Вот по-

чему действительный интернационалист Блюм резко отрицательно относился к «интерам». Помню, как он весело смеялся, услышав почтигоголевскую фразу: «Интер-офицерская вдова сама себя высекла». Вообще Рэм Наумович очень любил юмор и смеялся от души, заразительно и, я бы даже сказал, красиво. Его смех от души был проявлением его широкой и чистой души.

Рэм Наумович был интернационалистом в самом прямом и не запачканном смысле этого слова. Он был одним из организаторов и активистов Народного Фронта Эстонии, конгресс которого сердечно поздравил его с его последним 63-м днем рождения. Но я запомнил слова моего друга: «Знаешь, на конгрессе самым трудным для меня моментом было голосование по предложению о необходимости репатриации русских из Эстонии. Ведь если бы это предложение было принято, мне пришлось бы выйти из Народного Фронта!». Интернационализм Блюма выражался не только в том, что он писал по этому поводу. Он и в практической своей деятельности, в простых бытовых отношениях был нетерпим ко всякому национализму. В то же время он полагал, что борьба со злом национализма будет в наибольшей степени эффективна только тогда, когда она ведется в порядке самокритики того или другого народа. И на

самом деле, если, скажем, русский разоблачает эстонский национализм, это может выглядеть и как проявление русского шовинизма. И наоборот, если эстонец критикует русский шовинизм, то это может представляться как русофобия, как проявление эстонского национализма. Но вот если русский выступает против своих шовинистов или эстонец – против своих же националистов, то это и будет действительным торжеством интернационализма.

Такая тактика интернационального воспитания была известна давно. Но Рэм Наумович, неустанно ее пропагандируя, умел осуществлять ее на практике. В этой связи я хочу вспомнить один эпизод из жизни Тартуского университета, который, насколько я могу судить, не запечатлен ни в одном печатном тексте.

В конце 60-х годов в университете произошел конфликт. В студенческом клубе возникла драка между спортивными медиками и студентами эстонских отделений. Потерпев поражение, спортмедики (а среди них были не только русские студенты, но также принятые по направлению из разных национальных республик) решили взять реванш, притом политический. Они написали письмо в «Комсомольскую правду», в котором содержались доносительные огульные обвинения всех эстонцев в национализме и антисоветизме. Письмо было пущено среди русских студентов для сбора под ним подписей. Но реакция на него была неожиданной для организаторов коллективного доноса. Примерно 400 русских студентов разных факультетов собрались в Круглой химической аудитории и провели собрание, на котором резко осудили письмо в «Комсомольскую правду» как шовинистическую акцию.

Воодушевленные действиями русских студентов собрались свыше 700 эстонских студентов и критиковали проявление национализма в своей среде. В университете ни до, ни после этого события не было такой интернациональной сплоченности студентов, как в эти дни.

Рэм Наумович, как и другие преподаватели, непосредственно не участвовал в этих собраниях, полагая, что молодежь в данном случае сама сможет разобраться в сложных межнациональных проблемах. И надо сказать, что сами эти собрания возникли спонтанно, «снизу» и не были кем-либо инспирированы. Но Рэм Наумович, конечно, был в курсе дела и к нему приходили советоваться. Там участвовали его прямые ученики, как, например, Евгений Голиков. Тот факт, что русские студенты провели такое антишовинистическое собрание, и стал возможен благодаря Блюму, который и на лекциях, и на философском кружке, и во множестве разговоров со студентами разъяснял, как нужно эффективно бороться с шовинизмом и национализмом. Кружковцы–блюмовцы и были инициаторами собрания русских студентов. Вел собрание близкий Рэму Наумовичу человек – аспирант профессора И.С. Кона по социологии, работавший в социологической лаборатории Юло Вооглайда талантливый и многосторонне образованный *Николай Горбунов* (он получил математическое и медицинское образование).

Как это ни странно, в ЦК КПЭ к этой студенческой акции, снявшей многие межнациональные противоречия в университете, отнеслись отрицательно. Почему? Ведь, казалось бы, кому-кому, но ведущему идеологическому центру в республике только радоваться, что в университете восторжествовали принципы интернационализма, верность которым провозглашалась компартией! Но не тут-то было. ЦК возмутило то, что мероприятие прошло без его ведома и что, по агентурным сведениям, его провела блюмовская команда. Это в очередной раз показало, что идеологическое руководство было заинтересовано не в осуществлении действительно интернационального воспитания и сплочения людей, а лишь тем, чтобы быть *руководством*. Потом последовали и расправы по принципу наказуемости инициативы.

Хитроумными махинациями партийных органов Коля Горбунов был доведен до самоубийства.

Рэм Наумович обладал не только талантом философа и социального мыслителя, но он был наделен выдающимися практическо-организационными способностями, которые по большому счету не были востребованы существующим обществом. Это, как мне представляется, было одним из осознаваемых им внутренних конфликтов. По своим воззрениям и убеждениям Рэм Блюм принадлежал к так называемым «шестидесятникам» – поколению надежды на преобразование нынешнего общества, самозвански присвоившего себе наименование «социалистическое», в подлинный социализм «с человеческим лицом». Свой социальный идеал Блюм видел в движении общества к свободе. И не случайно свой основной теоретический труд по истории социальной мысли он назвал «Поиски путей к свободе». Я могу свидетельствовать, с каким воодушевлением мой друг воспринял «Пражскую весну» 1968 года и какие тяжелые чувства он испытывал, когда эта весна была раздавлена советскими танками. Может быть покажется малозначительным и несерьезным такой штрих, но и он говорит об отношении Рэма Наумовича к чехословацкой трагедии: он говорил, что в знак скорби отпустил себе усы... Да, Рэм Наумович был «шестидесятником» и неслучайно певец этого поколения *Булат Окуджава* был восхищен его выступлением во время одного семинара во время начавшейся перестройки.

В наши дни к «шестидесятникам» отношение двойственно. А у кого-то даже отрицательное. Даже сочувствующий им критик Лев Анненский назвал их поколением последних идеалистов. Возможно, их идеал социализма «с человеческим лицом» был очередной утопией. Но они, если и были идеалистами, то идеалистами деятельными. Не секрет, что именно они идейно готовили перестройку. Это сейчас им и вменяется в вину: ведь не без основания говорят о том, какое жалкое общество получилось в результате этой перестройки! В такого рода рассуждениях правда перемешена с ее противоположностью. Пример Рэма Блюма, я думаю, в этом убеждает.

Да, вероятно, самый чистый и человечный социалистический идеал слишком хорош для этого мира. Но разве следование, пусть несбыточному, но благородному идеалу и отрицание всего того, что противоречит ему в реальной жизни, заслуживает нравственного осуждения? Действительно, общество, возникшее после перестройки, мягко говоря, далеко от совершенства. Но разве оно – это осуществление надежд «шестидесятников» на торжество человеческого начала? В настоящих заметках я не буду обсуждать вопрос, почему на постсоветском пространстве и особенно в России «номенклатурный капитализм» заступил место «номенклатурному социализму», почему в результате этих изменений сама «номенклатурность» осталась неизменной и неприкосновенной. Ведь, по сути дела, «номенклатурность» лишь сменила свою маску, которая, как прежде, так и теперь отнюдь не является *человеческим лицом*.

В этой связи я позволю себе коснуться вопроса, имеющего прямое отношение к Рэму Наумовичу. Может быть в нынешних воспоминаниях о нем лучше умолчать, что он всю свою сознательную жизнь был предан идее революции? Ведь даже слово «революция» нынче не в моде. Более того, даже в устах некоторых умных и порядочных людей оно звучит как проклятие. С ним связывают, и кажется исторически небезосновательно, самые кровавые потрясения в обществе. Что было, то было. Но для *теории* революции, которой занимался Блюм, революция в сущности своей – *это качественное социальное изменение*. Революция – это не бунт, по Пушкину, «бессмысленный и беспощадный», хотя часто революции сопрягались с бунтом. Да, революции поэтому часто бывали кровавыми, но не потому ли, что они сами вызывались обильной кровью в дореволюционной «мирной» истории? Это, разумеется, только объясняет, но отнюдь не оправдывает кровавость самих революций. Вместе с

тем, революции бывали и «поющими», и «бархатными». Еще раз повторю, суть их не в крови, а *качественном* изменении негодного общества. Без них негодное общество только сменит свою вывеску, но так и останется негодным, т. е. бесчеловечным и не менее кровавым, чем иная революция. Рэм Блюм не дожил до августа 1991 года, *когда начавшаяся революция испугалась сама себя*. Так что постперестроечная история пошла не по Блюму и он не несет за нее никакую ответственность.

Не стала ли жизнь и деятельность Рэма Блюма лишь «преданьем старины глубокой»? Ведь Народный Фронт, в руководстве которого он был, растворился в иных, далеких от него социально-политических течениях. Партия, к которой он формально принадлежал и надеялся на ее коренное обновление, уже не существует, а та, к которой он хотел бы принадлежать, еще не создана. Да, к тому же, он искренно считал себя марксистом, а марксизм нынче весьма не в моде.

Но *его* марксизм был и раньше не в моде. Он вообще не модой определял свою жизнь. Да и с марксизмом дело обстоит не так просто, как это сегодня представляется обыденному, если не сказать обывательскому, сознанию. Выдающийся филолог, которого никогда нельзя было даже заподозрить в симпатии к марксизму, *Михаил Леонович Гаспаров* в своей статье «Лотман и марксизм» («Новое литературное обозрение», № 19, 1996) имел все основания утверждать: «марксизм возник на переломе от утопизма романтиков к позитивизму постромантиков, метод его был научным, идеология – утопической». В соответствии с этим, «Лотман относился к марксистскому методу серьезно, а к идеологии – так, как она этого заслуживала». Рэм Наумович в течение всей своей тартуской жизни находился в добрых отношениях с *Юрием Михайловичем Лотманом*. Они не только были на «ты», но и вместе участвовали во многих шестидесятнических акциях – подписывали письма, направленные против реанимации сталинизма, против антисемитской пропаганды в «Комсомольской правде», боролись за справедливость в университете и т. п. Их отношение к научному методу как к методу историко-диалектическому было однотипным. В марксистской же идеологии Рэм Блюм подчеркивал гуманистические тенденции и стремился всеми своими силами утверждать их в жизни, выступая против всяческого «отчуждения». Вот почему ближайший друг Рэма Наумовича академик *Виктор Пальм*, и в советское время не жаловавший марксизм, да и вообще философию, писал в статье «В память друга и соратника», опубликованной в первом номере народно-фронтовского «Тартуского курьера», созданного Блюмом, но вышедшего с извещением о его смерти: «Чем дальше уйдет время, тем больше мы будем понимать, что Рэм Блюм – не просто яркая личность, а целая эпоха в тартуской жизни. Не будь его, многие из нас были бы иными, чем сейчас».

Будет ли востребован Рэм Блюм, ушедший, говоря словами мудрого А.Ф. Лосева, «в глубины истории»? Я убежден, что человеческое благородство, отзывчивость, бескорыстность, которые воплощались в Рэме Блюме, будут актуальны всегда. Для меня он олицетворяет *социальную совесть*, какие бы теоретические фундаменты под нее не подкладывали. Не смею говорить за других, но для меня мой покойный друг продолжает жить, потому что я каждый раз во время очередного поворота истории задаю себе вопрос: «А как бы к этому отнесся Рэм?»